

Гипертрофированный орган

Беседа с Еленой Пенской

о нелегкой судьбе

интеллектуального журнала в России

Журналы «научные», «толстые» и «интеллектуальные» — чем эти виды изданий отличаются друг от друга, когда и как они появились в России, и какие проблемы решаются с помощью такой институции, как современный интеллектуальный журнал.

Декан факультета филологии НИУ ВШЭ, заместитель главного редактора журнала «Вопросы образования»

«Культиватор»: Елена, начиная с какого времени можно говорить о возникновении традиции интеллектуальной журналистики?

Е.П.: На Западе эта традиция существует с XVI—XVII веков. Хотя вряд ли можно говорить о какой-то одной традиции. В целом европейское Новое время создает интеллектуальную журналистику. А в XVIII веке развивается англосаксонская журналистика, которая наиболее актуальна для современной интеллектуальной и медийной культуры.

Многие из англосаксонских интеллектуальных журналов возникли в конце XIX — начале XX века, либо сразу после Второй мировой войны. Можно назвать целую плеяду таких журналов: «The Wilson Quarterly», «The New Republic», «Commentary», «Times Literary Supplement», «The Nation», «The New York Review of Books». Такое разнообразие связано с несколькими очагами политических событий. К примеру, крупный всплеск интеллектуальной журналистики происходит после Первой мировой войны. В конце Второй мировой и на протяжении «холодной войны» образуются целые цепи «think tank's» с функцией культурной интеллектуальной экспертизы.

К.: Какова аудитория западной интеллектуальной журналистики?

Е.П.: Там она гораздо более функциональна, разнообразна, не так структурирована, как наша, и, безусловно, шире. Оценить вариативность и масштаб этой аудитории сейчас стало намного легче: электронные версии журналов не дублируют печатных, и каждый из них имеет блогговую площадку, где идет реальное обсуждение.

К.: В эпоху электронных медиа что-нибудь изменилось в западной интеллектуальной журналистике?

Е.П.: Суть ее не изменилась. Но характерно, что все ведущие авторы имеют свои электронные площадки (блоги, твиттеры и пр.), которые активно существуют параллельно с традиционными, давно обжитыми площадками. Я вижу, что они довольно мощно используют электронную среду, не отказываясь при этом от традиционной.

В каком-то смысле влияние новых медиа на традиционную интеллектуальную журналистику сказывается в том, что не только темы, но и способы их изложения стали приближаться к форматам, предложенным и освоенным электронными медиа. Я постоянно слежу за агрегатом «Aldaily.com», который, метафорически говоря, как табло, показывает котировки на медийном рынке в сфере англоязычной (американской и британской) интеллектуальной журналистики. По этому сайту можно наблюдать, как темы и форматы дрейфуют в сторону тех, что сегодня приветствуются и культивируются аудиторией новых медиа. В интеллектуальной журналистике есть тенденция к популизму и «пожелтению», но это скорее нормально, даже придает свой драйв.

К.: А когда в России начала складываться традиция интеллектуальной журналистики?

Е.П.: Наша интеллектуальная журналистика связана, прежде всего, с культурой старого «толстого» классического журнала, которая возникает в первой трети XIX века и существует вплоть до 10—20-х годов XX века, а потом реинкарнируется в форма-

те советского «толстого» журнала, который существует до сих пор, но уже без приставки «советский». У истоков этой традиции стоят «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Современник». Публицисты вели жесткую, нередко уничтожающую полемику, вследствие которой некоторые авторы оказались «за бортом» или надолго получили «черную метку», а их работы еще очень долго трактовались искаженно или выпали из культурного контекста. Но следует учитывать некоторые «родовые» черты нашей журналистики: центральное ее звено и инструмент — это беллетристика, литература, литературная критика.

Культура в России почти два века была литературоцентричной. А сама литература была одновременно интеллектуальным и политическим институтом. В силу отсутствия общественной и публичной жизни журнал у нас заменяет очень многое. Поэтому и русский «толстый» журнал — он, прежде всего, литературный и с помощью литературы решающий все умственные коллизии эпохи XIX века. В XX веке интеллектуальная практика «толстого» литературного журнала была прочной и сохранилась до 90-х годов.

В конце XX века ломается вся традиционная система общественной жизни, соответственно, сложные коллизии происходят и с «толстым» журналом. Из некоего универсального органа общественного самосознания он превращается в просто журнал. Начав терять свои лидирующие позиции в интеллектуальной жизни, он пытается их вернуть, но как раз в середине 90-х появляются другие игроки на этом поле. Очень резко перестраивается

медийное пространство, появляются целые группы журналов, которые во многом калькируют англосаксонские интеллектуальные издания с давней 50-летней традицией. Но жизнь наших журналов, в отличие от западных, очень коротка, в силу цензурных и экономических причин.

К.: В чем заключается специфика интеллектуальных журналов?

Е.П.: Любой интеллектуальный журнал — это прежде всего площадка серьезного экспертного знания и междисциплинарной экспертизы, которая предполагает обсуждение, анализ и выведение в публичное поле сложных социально-политических проблем. Это подразумевает определенную культуру экспертного обсуждения, в которое вовлечены и специалисты, и аудитория самого разного профиля. Именно на страницах интеллектуального издания существует возможность создавать адекватные инструменты такого обсуждения. Например, мы до сих пор можем наблюдать захватывающие коллизии, связанные с тем, как обсуждается реформа здравоохранения в Америке. Это по-настоящему животрепещущая и почти детективная тема. По этому обсуждению мы видим, насколько интересные, сложные интеллектуальные вопросы стоят за этой проблемой.

Для интеллектуальной журналистики характерно умение показывать поливалентность проблемы, а также ее истоки, значимость, проекции, прогнозы. Мне кажется, что интеллектуальный журнал — это, прежде всего, площадка и инструмент для постановки и обсуждения проблем. В этом же заключается и функция интеллектуальной журналистики.

К.: Чем интеллектуальные журналы отличаются от научных?

Е.П.: Прежде всего, междисциплинарностью и созданием такого языка, такого модуса обсуждения, которые не может дать научный журнал, в силу того что научные публикации должны соответствовать регламентам, установленным в академическом сообществе. Интеллектуальный журнал снимает перегородки между специалистами из разных областей. Второй его модус — сделать сложное понятным для широкой аудитории, а авторов приучить мыслить сложно, но писать просто.

Научные журналы — специализированы, они подчинены правилам, ритуалам и канонам научного поведения в академическом мире.

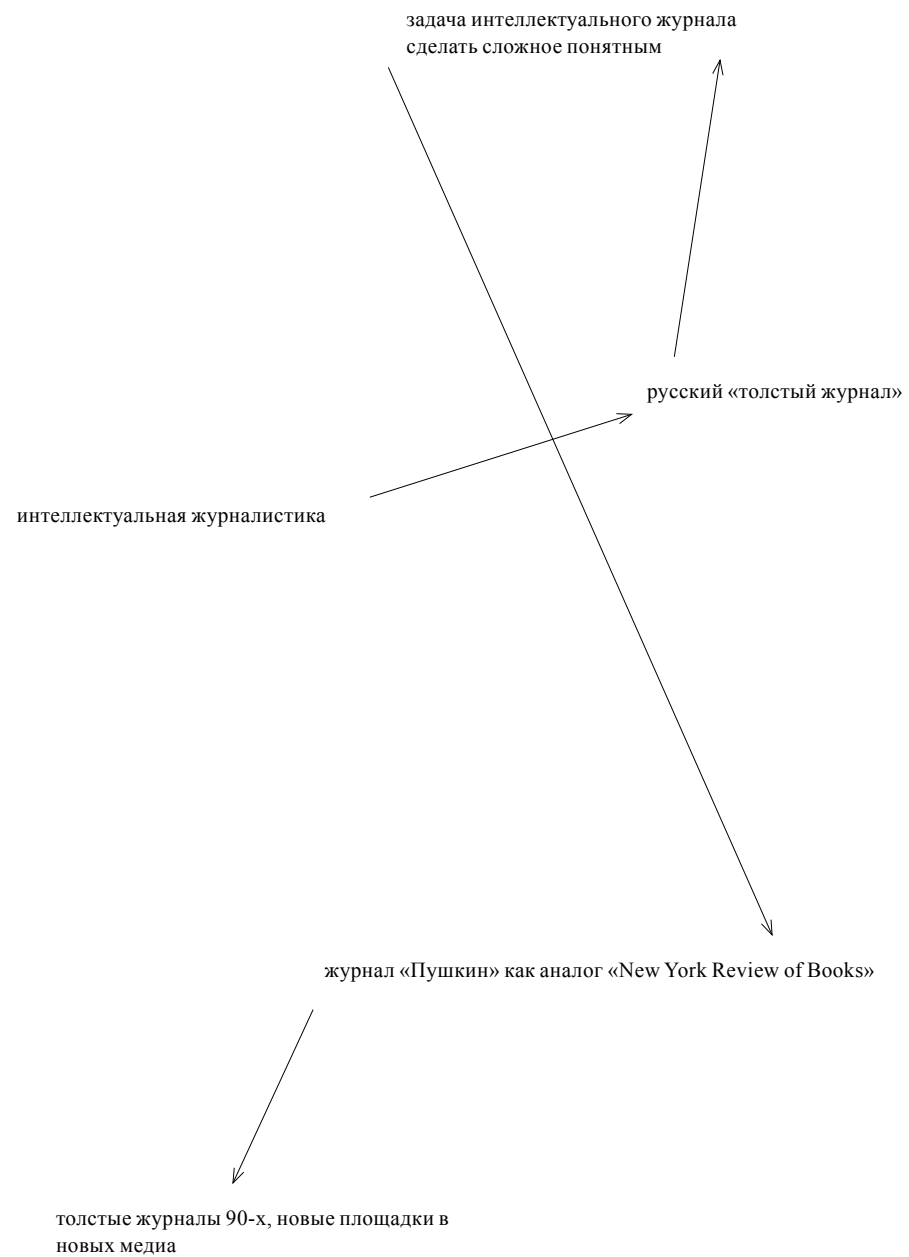
А научно-популярные журналы относятся к другому полю, подобные издания не всегда можно назвать интеллектуальными. Они скорее просветительские, с позиций просвещения рассказывают о какой-то научной проблеме, но главное для них — сделать научное доступным и занимательным.

К.: Расскажите, как в России появились новые интеллектуальные журналы?

Е.П.: О, это отдельная история, в которую вовлечены любопытные персонажи, до сих пор действующие в той или иной роли на нашей сцене. Но иных уж нет... А те, кто далече, давно расстались с этой забавой и нашли другие занятия. В середине 90-х вдруг возникла «мода на умное», которая повлекла за собой рождение целой плеяды журналов и на бумаге, и в сети. Был сложный процесс перехода от одного формата к другому.

В 1997 году я оказалась у истоков журнала «Пушкин». Я его придумала

сначала как бумажный журнал. Но через два месяца главный редактор решил, что гораздо продуктивней и интересней перевести его в сеть. Ближайшим нашим партнером был один из американских журналистов — историк Марк Печерский. Он фанат американской интеллектуальной журналистики, и он нас этим заразил. Он сделал нам мощную прививку, показав, как это устроено в США: какие там авторы, форматы, материалы. Журнал «Пушкин» был задуман как некий аналог «New York Review of Books». К сожалению, нам не удалось удержать стандарты этого журнала, а «их» гамбургский счет никак не соответствовал «нашему». Известное дело — что «американцу хорошо», то у нас по-другому. Нас все время ругал Печерский, который старался вернуть «Пушкин» на правильный путь американской журналистики, но это не удавалось в силу разных причин. Например, в силу «устройства» русского автора, особенно постперестроечного. Постперестроечный автор был словно выпущен из клетки, он долго что-то копил, писал «в стол», и в результате это было выплеснуто на страницы интеллектуальных журналов и газет. Ожидание, что скопившиеся за многие годы в столах интеллектуальные «капиталы», смогут долго всех кормить и насыщать, не оправдалось. Да и самонадеянно и неоправданно было делать такую ставку. Ресурс исчерпался довольно быстро. Так что в определенный момент произошло взаимное разочарование — издателей в авторах, авторов в издателях. Журнал «Пушкин» полностью ушел в сеть в обличии «Русского журнала», стал там успешно существовать и живет до сих пор. Жур-

Елена Пенская

нал «Пушкин» тоже вернулся несколько лет назад, но недавно закрылся. Это связано с финансовыми причинами, а не с исчерпанностью проекта. Это авторский проект: выбор тем, фактуры, сырья — вся плоть там авторская.

Одновременно с журналом «Пушкин» была попытка создать аналог всех журналов, какие мы любим и ценим, создать такой журнал, который бы аккумулировал наши представления об интеллектуальных изданиях Америки. Этой попыткой был журнал «Интеллектуальный форум», который мы выпускали в течение трех лет. Журнал был нацелен на то, чтобы перевести самое лучшее, что на протяжении последних лет выходило в тех западных журналах, которые я называла выше. К ним можно прибавить еще несколько: таких как «Common Place», «American Policy», «Lingua Franca». Из всех этих журналов мы выбирали самые топовые статьи для перевода. Номера составлялись в основном из переводных материалов, но мы также пытались подключить наших авторов, сопоставимых по уровню темы и мысли с зарубежными. В течение трех лет все это нас очень увлекало, но в определенный момент наступило разочарование друг в друге и в «машинке», которую мы придумали. Это привело к тому, что журнал был закрыт. Но в данном случае не по финансовым причинам, а потому что это была во многом тупиковая модель.

Параллельно с нами выходили и выходят другие интересные и мощные интеллектуальные журналы. Например, «Неприкосновенный запас» («НЗ»), который стартовал практически одновременно с «Русским журналом» и до-

вольно успешно сейчас функционирует. «НЗ» тоже использует практику отслеживания самых ярких и интересных тем и авторских работ в западных журналах, которые переводятся и помещаются в нашу среду среди сопоставимых отечественных материалов. «Новое литературное обозрение» тоже сильно дрейфовало в эту сторону и довольно далеко ушло от своих первоначальных задач, таких как обсуждение сугубо вопросов филологии. Подчас «НЗ» и «НЛО» очень близко подходят друг к другу.

Новые «Отечественные записки» («ОЗ») очень мощно выступили, предложив самую настоящую экспертную мысль. Их практика и их структура была очень интересной. Они не повторяли традицию «толстых» журналов или традицию старых «Отечественных записок», хотя какие-то цитаты и реминисценции были очень узнаваемы. Журнал просуществовал с 2001 по 2009 год. Официальной причиной приостановки издания была исчерпанность финансирования. Однако «ОЗ» успел обозначить ключевые темы, составить сетку тем, которая остается актуальной и по сей день. Сейчас «ОЗ» вернулся и то, как дальше выстроится его стратегия — большая интрига. Может быть, просто ребята покажут, как изменилась обстановка в той тематической раскладке, которую они задали.

Российские интеллектуальные медиа — трудная штука. По-прежнему основной задачей остается расширение и разнообразие авторского пула. Увы, подчас всего несколько десятков авторов являются игроками на разных площадках. Иногда из-за этого стираются различия между журналами.

К.: Произошли ли за последнее время какие-то изменения в российской интеллектуальной журналистике?

Е.П.: Если мерить эпоху интеллектуальной журналистики в России — а это полтора десятилетия, то ситуация, конечно, изменилась. Количество журналов не стало больше, но в эту сферу входят молодые профессионалы, прошедшие выучку в хороших западных университетах, да и у нас не тратившие время зря, а получившие качественное образование. И все же пока на этом поле главенствуют авторы возрастных групп «за 30» и «за 60». Это известные и прошедшие закалку в сетевой и бумажной журналистике люди. К сожалению, верхний слой авторской плеяды вымывается уже довольно сильно.

К.: Насколько общественные функции интеллектуальных журналов отличаются от функций «толстых» журналов?

Е.П.: Как я уже говорила, русские «толстые» журналы в XX веке выполняли не только литературную функцию — тогда весь общественный пар выходил в них. Но это была ситуация диспропорции, дисфункции, смены акцентов. А интеллектуальные журналы изначально были задуманы как нормальный инструмент для диалога профессионалов-экспертов и аудитории. Освободившись от решения масштабных вопросов типа «быть или не быть», они занялись нормальным диалогом, вещами, касающимися умственного хозяйства, повседневности и не только его. Изменился сам градус обсуждения, его способ и язык. В 2000-х «толстые» журналы ушли в свою нишу. Они очень нервно относятся к тому, что оказались в резервации,

и до сих пор видят много опасностей в уходе в сеть.

Если говорить о совместном или скорее параллельном существовании «толстых» и интеллектуальных журналов, то мы видим, что и те и другие идут навстречу и ассимилируются. «Толстые» журналы частично уходят в нишу интеллектуальных, а интеллектуальные берут на себя литературные функции — например, публикуют литературные сочинения. Пишущие тоже могут менять обличия, нормально чувствуя себя в эссеистике, литературстве, публицистике, подчас соединяя умело эти жанры.

Но в 90-е годы — когда «толстые» журналы еще хорошо помнили о своем завоеванном и отвоеванном лидерстве и перестроечном триумфе, а интеллектуальные журналы были молоды, зубасты, задиристы, дерзки, драчливы по-дилетантски, — соперничали, толкались, но не всерьез. За последние годы, как кажется, произошла адаптация к ситуации, некоторое ее обживание.

К.: Можно ли сказать, что после некоторого интеллектуального затишья возвращается мода на критический анализ, на рефлексию?

Е.П.: Рефлексия проявляет себя по-разному. Интеллектуальная активность не в последнюю очередь связана с политическими циклами. Можно даже прочертить диаграмму этой зависимости. Кроме того, жизнь интеллектуальных журналов связана с активностью образовательных площадок. Интеллектуальные журналы и университеты — это своего рода инкубаторы, где формируется новое знание. И вот тут, я вижу, зарождается интересная и плодотворная взаимосвязь.

К.: Меняется ли читательская аудитория интеллектуальных журналов?

Е.П.: Выход на университетские аудитории заложен в политике разных журналов. Нередко продумываются сценарии сотрудничества с целевыми студенческими группами. Посредством такого сотрудничества планируются как стратегии обновления авторского состава, так и расширение аудитории. Сейчас идет смена, фильтрация аудитории. Сетевые интеллектуальные журналы (например, «*Openspace*») выходят на новые медиа, и это тоже связано с изменением состава аудитории и ее омоложением. В основном новые читатели приходят из среды гуманитарного студенчества.

«Русский журнал» в современном его облике и все его оффлайновые акции ориентированы на привлечение новой молодежной аудитории — и столичной, и не столичной.

По моим наблюдениям, процент нестоличной молодой аудитории за последние 3—5 лет увеличился где-то на 10—15%. Это тоже студенческая гуманитарная аудитория.

К.: Какие-нибудь новые журналы появляются в последнее время?

Е.П.: «Дилетант», к примеру. Куда, к какому классу его отнести? А «Станиславский»? Сетевой журнал о книгах «Московский книжный журнал» (*morebo.ru*) существует с июня 2012 года, но мощно набирает обороты. Мне кажется знаковым то, что возвращаются старые издания, такие как «Отечественные записки». Продолжают свое существование и прежние «зубры»: «Логос», «Прогнозис», «Полис».

Историю интеллектуальной журналистики в родных пенатах еще предстоит написать. Ее полезно помнить, поучительно знать.

Главный редактор

Иосиф Фурман

Заместитель главного редактора

Владимир Селиверстов

Литературный редактор

А.Ф.

Художественный редактор

Михаил Фомин

Фотограф

Марк Боярский

Верстка

Михаил Минаев

Над номером работали:

Арсений Куманьков

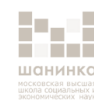
Алексей Плешков

Мария Фурман

Отдельное спасибо

Владимиру Солдатову

Партнеры:

Журнал выходит при поддержке Фонда первого Президента России Б.Н. Ельцина